

КОГДА ПРОШЛОЕ
НЕ ОТПУСКАЕТ —
ОНО УБИВАЕТ

ПОЛНОЧЬ В ЗИМОГОРЬЕ

РОМАН

*10 лет
молчания.*

*Одна ночь
правды.*

*Один
выстрел.*

ВСЕ СЕКРЕТЫ ЭТОГО ДОМА
СОЙДУТСЯ В ОДНУ МИНУТУ

Чернова Галина

ПОЛНОЧЬ В ЗИМОГОРЬЕ

«Автор»

2026

Галина Ч. М.

ПОЛНОЧЬ В ЗИМОГОРЬЕ / Ч. М. Галина — «Автор», 2026

ПОЛНОЧЬ В ЗИМОГОРЬЕДесять лет назад в старинном Зимогорье погиб Роман Остужев. Его мать знала правду, но предпочла молчать. Теперь, когда ей осталось жить считанные недели, Варвара Остужева собирает в доме всех, чьи судьбы связаны с той трагедией. Она обещает назвать имя убийцы ровно в полночь. Но до назначенного часа Варвара умирает. Вера Сергеевна возвращается в Зимогорье, чтобы узнать правду, которую здесь прятали десять лет. Остановившиеся часы. Старый сейф. Письма. Тайны семьи. Люди, каждому из которых есть что скрывать. Чем ближе Вера подходит к разгадке, тем страшнее становится прошлое. Потому что в этом доме никто не забыл, что произошло. Все лишь научились молчать. А теперь молчание заканчивается. «Полночь в Зимогорье» — атмосферный психологический детектив о тайне, вине, любви и правде, которая спустя десять лет всё равно находит дорогу наружу.

© Галина Ч. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОЛНОЧЬ В ЗИМОГОРЬЕ	6
ПРОЛОГ. Голубая гостиная, 10:58	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ	8
Глава 1. Письмо из Зимогорья	9
Глава 2. Поезд и тот, кто ждал на платформе	11
Глава 3. Голубая гостиная	13
Глава 4. Яков и дневник его матери	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Чернова Галина
ПОЛНОЧЬ В ЗИМОГОРЬЕ

**ПОЛНОЧЬ
В ЗИМОГОРЬЕ**

роман

2026

ПОЛНОЧЬ В ЗИМОГОРЬЕ

ПРОЛОГ. Голубая гостиная, 10:58

Она ещё жива.

Варвара Дмитриевна Остужева сидит в кресле у камина, спиной к двери, и смотрит, как огонь точит сухие поленья. На столике рядом — недопитая чашка чая, аптечный флакон с каплями, которые доктор выписывает ей от бессонницы уже третий год, и семейный альбом в потемневшей коже. Она открыла его на последней странице, но не смотрит на фотографии — смотрит в огонь, как будто хочет что-то в нём прочесть.

Она знает, что умирает. Врачи не ошибаются дважды — они ошиблись в первый раз, когда сказали ей «полгода», а прошло уже восемь месяцев. Теперь они говорят «недели», и в их голосах звучит та самая бережливая осторожность, какой говорят с людьми, которых уже списали. Варвара Дмитриевна верит им ещё меньше, чем в прошлый раз. В своём роде она ждёт смерти, как ждут гостя, который опаздывает, но обязательно придёт.

Наверху, за голубым шёлком стен, тикают часы. Десять пятьдесят восемь.

Дом молчит. Это не та тишина, в которой спят, — это та тишина, в которой притворяются спящими. Варвара Дмитриевна чувствует её каждой костью: половица в коридоре, которая скрипнула под чьим-то осторожным шагом; дверная ручка, которую тронули и отпустили; чьё-то дыхание, замершее у щели. Она знает этот дом наизусть — она прожила в нём тридцать пять лет, сначала невестой, потом женой, потом вдовой. Она знает, когда дом дышит ровно, а когда затаивается.

Она затаивается сейчас.

Через одиннадцать минут Варвара Дмитриевна должна спуститься в эту самую гостиную и назвать имя человека, который убил её сына. Десять лет она молчала. Десять лет она оплачивала чужие обещания и собственное малодушие — деньгами, должностями, репутациями. Сегодня всё должно кончиться. Она нарочно назначила полночь: пусть это будет похоже на конец сказки, а не на конец жизни. В полночь, при свечах, она скажет правду, и правда, которую она десять лет прятала, наконец выйдет из неё, как выходит заноза из раны.

Она ставит чашку на блюдце. Тянется к флакону. Снимает пробку, капает в тёплую воду одну, две, три капли — ровно столько, сколько всегда. Рука не дрожит. В последний час перед тем, как всё изменится, человек становится удивительно спокоен. Это тело знает, как умирать, — оно занималось этим всю жизнь, по капле.

За её спиной, в коридоре, человек снова трогает дверную ручку. На этот раз — не отпускает.

Варвара Дмитриевна Остужева подносит чашку к губам.

Вода пахнет горьким миндалём.

Она успевает подумать: «Я знала, что он не посмеет. Я ошиблась». И делает глоток.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ

Глава 1. Письмо из Зимогорья

Письмо пришло в серый петербургский день, когда туман с Невы так плотно облепил окна моей комнаты в меблированных номерах на Васильевском острове, что казалось — за стёклами больше нет города, а есть только белая, глухая, бесконечная пустота. Я сидела у чугунной печки, согревая руки о чашку жидкого чая, который остыл ещё до того, как я успела его выпить, и пересчитывала медяки на подоконнике — до платы за комнату не хватало рубля сорока.

Хозяйка, Полина Ивановна, постучала в дверь дважды — это значило, что ко мне посетитель или письмо, а не долг. Она просунула в щель конверт — тяжёлый, кремовый, с тиснёным гербом. Три лилии на щите. Род Остужевых.

Я не сразу взяла его. Десять лет — срок, за который человек успевает забыть запах чужого дома, голос чужой матери, цвет чужих глаз. Но герб Остужевых я узнала бы в любых сумерках. Я узнала бы его даже вслепую, по одной лишь тяжести бумаги и по тому, как пахнет клей на конверте, — этот запах был выжжен у меня под веками, как тавро на коже.

Я вскрыла письмо ножом для бумаги — тем самым, с янтарной рукояткой, который Роман подарил мне на помолвку. Нож был единственной ценной вещью, которую я не продала. Иногда мне казалось, что я не продаю его из сентиментальности, а иногда — что я боюсь: если продам его, то и правда перестану быть той Верой, какой была когда-то. Хотя какой я была «когда-то» — я уже и сама не помнила.

Письмо было коротким. Почерк Варвары Дмитриевны я тоже узнала бы где угодно — размашистый, старомодный, с росчерком на «т», каким пишут люди, привыкшие приказывать, а не просить.

«Вера Сергеевна.

Мне стало известно, что вы возвратились в Петербург. Врачи дают мне недели, и я хочу уйти с чистой совестью. На Рождество я соберу в Зимогорье всех, чьи судьбы переплелись с нашей семьёй. В полночь я назову имя человека, который убил моего сына.

Я знаю, что вы не причастны. Я знаю это уже десять лет. Приезжайте 23 декабря. Мне нужно передать вам то, что принадлежит вам по праву.

Если я не доживу до полуночи — загляните в сейф в кабинете Степана Андреевича. Код — день рождения Романа.

Ваша старая подруга,

Варвара Остужева».

Я прочла письмо трижды. Потом подошла к окну и провела пальцем по запотевшему стеклу. За ним — Петербург, серый, безопасный, безликий, разлинованный каналами и дождями. А за четырьмя вёрст к юго-востоку, в Тверской губернии, стояло Зимогорье — имение, где я оставила не часть души, как я привыкла говорить себе, а всю себя целиком.

Роман.

Я произнесла его имя вслух — впервые за много месяцев. Слово было тёплым, как уголёк, и жгучим, как уголёк. Я думала, что похоронила его вместе с подвенечным платьем, которое так и не надело, и вместе с надеждой на будущее, которого не случилось. Но горе не хоронят. Горе ждёт, когда вы забудете о нём, и возвращается — тихое, злое, живое, как голод.

Я знала, что поеду. Я знала это с той минуты, как увидела герб.

В ту ночь я вынула из-под кровати саквояж. В нём всё ещё лежал пыльный альбом с анатомическими таблицами, которые я рисовала на третьем курсе Женских врачебных курсов при Медико-хирургической академии. Я открыла его на середине. Мой почерк, тушь, выцветшая за десять лет: *«Сердце. Четырёхкамерное. Не прощает ошибок».*

Я закрыла альбом и положила его на дно саквояжа, поверх платья, которое не понадобится никому из живых. Не знаю зачем. Может быть, потому что ехать на похороны собственной прежней жизни полагалось с вещами, которые уже не нужны.

Наутро я оставила Полине Ивановне плату за комнату вперёд — последние деньги — и сказала, что вернусь после Рождества. Она посмотрела на мой саквояж и на моё лицо и ничего не спросила. В Петербурге люди умели не задавать вопросов: это было безопаснее.

Я купила билет на Николаевскую железную дорогу до Твери. Поезд отходил в шесть вечера, и весь день я просидела на вокзале, глядя, как за окнами зала ожидания ложится первый снег. Он шёл медленно, крупными хлопьями, как будто небо задумалось и не торопилось. Я смотрела на него и думала о том, что ровно десять лет назад, в эту же пору, я последний раз видела Романа живым. И о том, что я тогда не сказала ему чего-то важного. А теперь уже не скажу никогда.

Впрочем, поезд не ждал. Поезда вообще никого не ждут.

Глава 2. Поезд и тот, кто ждал на платформе

Поезд пришёл в Тверь в сумерках 23 декабря. С платформы веяло сыростью, угольным дымом и предчувствием метели. Я стояла в толпе пассажиров, чувствуя, как старый страх поднимается по рёбрам — медленно, уверенно, как вода в трюме тонущего корабля. Страх был не в сердце. Страх был в ногах: они помнили эти подмосковные холмы, эти чёрные от грязи дороги, эту усадьбу на пригорке, которая ждала меня, как ждёт старая злая родня.

«Вера Сергеевна?»

Молодой человек в пальто с бобровым воротником и в форменной фуражке стоял у вагона с табличкой в руках. На табличке моя фамилия, выведенная каллиграфическим почерком. Худощавый, с рыжими вихрами, выбившимися из-под фуражки, и веснушчатый лицом, на котором застыло выражение той особенной серьёзности, какая бывает только у очень молодых людей, которые решили стать взрослыми раньше срока. Он смотрел на меня, как смотрят на примету.

«Я — Яков, — представился он, подхватывая мой саквояж, который оказался легче, чем он ожидал, потому что я увидела, как он чуть качнулся от облегчения. — Новый лакей Варвары Дмитриевны. Пролётка ждёт. Дороги ещё держатся, но к ночи обещают метель. Надо поспешить, пока не занесло.»

Я кивнула и пошла за ним через вокзал. Снег, начавшийся ещё в Петербурге, здесь шёл гуще и уже успел укрыть платформу ровной белой пеленой. Мы сели в пролётку, кучер тронул вожжи, и Тверь поплыла мимо — занесённые сугробами лавки, золотые купола, галки на проводах. Потом город кончился, и начались холмы.

Мы ехали молча. Я была благодарна Якову за это: я не знала, о чём говорить с человеком, который везёт меня обратно в жизнь, от которой я десять лет бежала. Он тоже не заговаривал, только изредка оборачивался — проверить, не замёрзла ли я, — и я каждый раз отворачивалась к окну, к снегу, к темноте, в которой тонули обнажённые берёзы, тянущие к небу чёрные руки, как утопленницы.

Я задремала и проснулась от того, что лошади остановились.

Зимогорье стояло передо мной — огромное, каменное, с фасадом в полтора десятка окон, с мезонином и четырьмя колоннами, которые в темноте казались белыми костями. Окна горели жёлтым, как глаза хищника. Усадьбу построил ещё дед Степана Андреевича, в сороковых годах прошлого века, и все её ампирные фронтоны, балконы и мезонины казались мне когда-то романтическими. Теперь я видела то, чего не видела девушка двадцати лет: этот дом не стоял на земле. Он сидел на ней, как зверь, который прилёг и ждёт.

Дверь распахнулась, и на пороге, в светлом проёме, появилась Варвара Дмитриевна.

Она изменилась так, как меняются только те, кто умирает и знает об этом. Некогда пышные тёмные волосы — теперь редкие, седые, убранные в тугой узел. Лицо, некогда округлое и тёплое, — теперь острое, с выступающими скулами и глазами, которые стали слишком большими для впалых глазниц. Но глаза были те же: тёмные, почти чёрные, с пристальным взглядом, способным пронзать ложь, как игла пронзает шёлк. Десять лет назад этот взгляд был для меня источником тепла. Теперь в нём не было тепла. В нём было что-то другое — решимость человека, который собрался с силами для последнего шага.

«Вера Сергеевна, — произнесла она, и в её голосе не было ни радости, ни гнева — только усталость. — Вы приехали.»

«Вы знали, что я приеду.»

«Я надеялась. — Она посторонилась, пропуская меня в дом. — Все уже здесь. Мы ждём только вас.»

Она взяла меня под руку — её пальцы были холодны, как камень, — и повела через сени в парадную залу. Я шла, не глядя по сторонам, потому что боялась, что узнаю слишком много и слишком быстро. Но когда мы проходили мимо лестницы — широкой, мраморной, с коваными перилами, — я всё-таки подняла глаза.

Та самая лестница. С которой десять лет назад упал Роман.

Я почувствовала, как сердце сжалось, и замедлила шаг. Варвара Дмитриевна, не оборачиваясь, сжала мою руку чуть крепче — не в утешение, а как будто предупреждая: «Не здесь. Не сейчас».

И за моей спиной щёлкнул замок парадной двери.

Мне почудилось, что это щёлкнула дверца клетки.

Глава 3. Голубая гостиная

Голубая гостиная не изменилась за десять лет. Запах — пчелиный воск для мебели, старые книги, дым камина, холодильник с заледенелых окон — был прежним, как будто время здесь не шло, а стояло, набальзамированное вместе с этой комнатой. Стены, обитые голубым шёлком, с выцветшими на солнце местами у окон; потолки в четыре аршина; в центре — камин из белого мрамора, в котором трещал огонь, бросая на лица собравшихся живые, дрожащие тени.

Я узнала их всех. Всех до одного.

У камина стоял полковник Платон Иванович Веригин — высокий, седой, с военной выправкой, несмотря на семьдесят с лишним лет. Покоенный друг покойного Степана Андреевича, с которым они вместе воевали ещё на Кавказе. Он кивнул мне — коротко, по-военному, — и в его серых глазах мелькнуло что-то, похожее на предупреждение. Или на жалость. Я не смогла разобрать.

На диване, подобрав под себя ноги, сидела Лидия Аркадьевна Соболева — актриса, некогда гремевшая на Александринской сцене, любовница покойного Степана Андреевича, о которой в свете говорили шёпотом, но много. Ей было под шестьдесят, но она по-прежнему одевалась в лиловое и носила драгоценности, которые, как я знала, были подделками. Она курила длинную папиросу в янтарном мундштуке, пускала дым кольцами и разглядывала меня с любопытством, от которого мне стало неудобно. Я помнила её ещё по тем временам, когда она была красива — по-настоящему красива, той насмешливой, дерзкой красотой, которая не прощает времени.

У окна, спиной к комнате, стоял доктор Арсений Ильич Калитин — лечащий врач Романа в последние месяцы его жизни и теперь лечащий врач самой Варвары Дмитриевны. Ему было около сорока, он был сухощав, с острым профилем, какой бывает у людей, которые слишком много думают, и руками, которые постоянно что-то вертели, — сейчас это был серебряный карандаш. Он не обернулся, когда я вошла. Мне показалось, что он смотрит в тёмное окно и видит там что-то своё.

В углу, почти сливаясь с тенями, сидела Марфа Тимофеевна — экономка, прослужившая в Зимогорье сорок лет, со времён ещё старого барина. Сгорбленная, с лицом, похожим на сморщенное печёное яблоко, и с руками, которые лежали на коленях неподвижно, как сложенные крылья. Она смотрела на меня без всякого выражения, как смотрит прислуга на новых гостей, которых завтра, может быть, придётся выносить.

И, наконец, у рояля стоял Тимофей Аркадьевич Остужев — племянник покойного Степана Андреевича, наследник состояния, если Варвара Дмитриевна умрёт бездетной. Ему было около сорока, и он был красив той пышной, добродушной красотой, которая располагает с первого взгляда: розовое лицо, светлые волосы, весёлые голубые глаза, улыбка открытая и тёплая. Он сделал шаг мне навстречу, взял мою руку обеими руками и задержал в своих — чуть дольше, чем было принято.

«Вера Сергеевна! — сказал он с неподдельной, как казалось, радостью. — Десять лет. Вы не изменились. Всё те же глаза, всё то же серьёзное лицо. — Он наклонился ко мне и добавил тише: — В этом доме теперь редко кто бывает. Я рад, что это вы.»

Я улыбнулась в ответ — той улыбкой, которой улыбаются, когда не знают, что сказать. Я знала Тимофея Аркадьевича с той поры, когда он был весёлым молодым повесой, вечно в долгах, вечно при деньгах, вечно при улыбке. И я всегда замечала одну вещь, которую, кажется, не замечал никто другой: его улыбка никогда не доходила до глаз. Глаза смотрели отдельно от лица — и смотрели внимательно, по-хозяйски, как смотрят на имущество.

«Дорогая Вера Сергеевна, — сказала Варвара Дмитриевна, усаживая меня в кресло у камина, — полагаю, представления не требуются. Вы все знаете друг друга.»

«Или думали, что знаем, — добавила Лидия Аркадьевна, выпуская дым кольцами. Она произнесла это без насмешки, скорее устало, как человек, который давно привык, что всё в этой жизни оказывается не тем, чем кажется.

Варвара Дмитриевна не обернулась на неё. Она встала перед камином, и за её спиной, в пламени, её тень выросла до потолка, длинная и тонкая, как свеча.

«Я собрала вас не для празднования Рождества. — Её голос стал твёрже, и в нём проступил тот самый металл, которым она всю жизнь правила этим домом. — Десять лет назад умер мой сын, Роман Степанович. Официально — несчастный случай. Он упал с лестницы, ударился головой о мрамор. Так записано в протоколе, так сказано всем, так написано в газетах. Но я всегда знала — и вы знаете, — что это не так. Кто-то из присутствующих причастен к его смерти. Кто-то из вас толкнул его. Или подтолкнул. Или довёл до того, что он упал.»

В комнате повисла тишина. Только огонь продолжал трещать, как будто не замечая драмы, — огню было всё равно, кого судить.

«Я не буду называть имя сегодня, — продолжала Варвара Дмитриевна. — Я назову его завтра, в полночь, под Рождество. У меня есть доказательства. Документы. Письма. Я хочу, чтобы вы провели эту ночь с тем, что вы называете своей совестью. А завтра — я назову убийцу.»

Она обвела нас взглядом — каждого по очереди, подолгу, — и я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Когда её взгляд дошёл до меня, он смягчился — на секунду, так что я, наверное, единственная это заметила. Или мне показалось.

«А теперь Яков покажет вам комнаты. Ужин в восемь. До тех пор прошу считать себя моими пленниками: погода не позволит никому уехать до Рождества. И поверьте — я позаботилась о том, чтобы никто не смог уйти пешком. В конюшне одна лошадь, и она хромая. Остальные — в Твери, на постоялом дворе, до первого оттепельного дня.»

Она улыбнулась — слабо, почти по-дружески, и в этой улыбке впервые за вечер мелькнуло что-то от той Варвары Дмитриевны, которую я помнила.

«Добро пожаловать в Зимогорье, дорогие мои. Наслаждайтесь гостеприимством.»

Первым поднялся Тимофей Аркадьевич. Он подошёл к Варваре Дмитриевне и поцеловал её руку.

«Тётянька, — сказал он мягко, — вы знаете, что я вас люблю. Но вы же понимаете, что завтра вам придётся назвать имя. И что это имя будет не моё. У меня, в отличие от всех здесь собравшихся, есть алиби, которое можно проверить.»

«У всех есть алиби, Тимофей, — сказала Варвара Дмитриевна, не глядя на него. — Вопрос только в том, чьё алиби настоящее.»

Тимофей рассмеялся — звонко, непринуждённо, как смеются люди, у которых никогда не было причин бояться чужих слов.

«Вот за это я вас и люблю, тётянька. За умение сказать правду так, что она звучит как угроза.»

Он вышел, насвистывая что-то весёлое. Остальные поднялись следом — молча, как будто каждому уже вынесли приговор и они знали его заранее.

Я осталась у камина, глядя в огонь, и думала о том, что завтра в полночь в этой комнате будет названо имя убийцы Романа. И о том, что я, кажется, единственная здесь, кто не боится услышать это имя. Я боялась только одного: что оно окажется тем, о котором я догадывалась все эти десять лет и которое всё это время гнала от себя.

Глава 4. Яков и дневник его матери

Моя комната находилась во втором этаже, с видом на западный сад, который зимой был похож на поле боя: чёрные остовы яблонь, занесённая снегом беседка, замёрзший пруд, где подо льдом спала рыба, которой уже, наверное, не было. Яков поставил мой саквояж на кровать и замер у двери, словно хотел что-то сказать, но не решался.

Я дала ему время. Люди, которые хотят говорить, всегда наконец заговаривают, если им не мешать.

«Вера Сергеевна... — начал он наконец, глядя куда-то в сторону, в окно, в снег. — Вы бывали здесь прежде. Десять лет назад.»

«Да.»

«Моя мать тоже здесь служила. Её звали Алёна. Она была горничной.»

Я помнила Алёну. Молодую, весёлую, рыжеволосую девушку, которая приносила мне чай по утрам и смеялась так, что её смех было слышно через три комнаты. Я помнила её смех, и от этого воспоминания у меня защипало глаза — не от горя, а от того, что даже смех оказался частью того времени, которого больше нет.

«Она умерла три года назад, — сказал Яков, и его голос дрогнул, как струна, которую тронули не вовремя. — Испанка. Столько лет всего бояться — войны, голода, господских нравов — и умереть от простуды. Смешно, правда?»

Я не ответила. Я ждала.

«Перед смертью она отдала мне кое-что. Дневник. Она вела его всю жизнь, по чуть-чуть, как ведут хозяйственные книги. — Он вынул из-за пазухи небольшую кожаную тетрадь в потёртом переплёте и протянул мне. Она была тёплой от его груди. — Я прочёл его только в этом году, когда нанимался сюда. Прочтите запись от 23 декабря. Страницу, где она пишет о вас.»

Я взяла тетрадь, но не открыла. В руках она лежала, как живое существо, — тяжёлая, доверчивая, дышащая.

«Зачем вы отдаёте это мне, Яков?»

«Потому что в этой записи сказано, что вы невиновны. А в этом доме, — он поднял глаза, и я впервые увидела в них не робость, а что-то другое, жёсткое, — в этом доме всем всю жизнь давали понять обратное. Мать молчала из страха. Я молчать не буду. Завтра в полночь Варвара Дмитриевна назовёт имя убийцы. Но я хочу, чтобы вы знали заранее: что бы она ни сказала, это не вся правда. В этом доме никто никогда не говорил всей правды.»

Он вышел, тихо притворив за собой дверь. Я осталась одна, с дневником в руках, среди пахнущих воском стен, и не могла заставить себя открыть его.

Мне было страшно не прочесть. Мне было страшно прочесть и узнать, что я всё-таки что-то сделала не так. Десять лет я жила с тяжёлым, смутным чувством, что в ту ночь я что-то не сделала, что-то пропустила, что-то не успела. Элис — Алёна — знала. И она написала об этом.

Я открыла тетрадь на отмеченной странице. Почерк у Алёны был круглый, с наклоном вправо, как у всех, кто пишет быстро и много. Запись от 23 декабря я прочла дважды.

«23 декабря. Вера Сергеевна снова в доме. Видела её в зале — она почти не изменилась, только глаза другие. Усталые, как у человека, который долго искал что-то и не нашёл. Я помню тот вечер. Я помню, как нашла её на лестнице — она стояла над Романом Степановичем и плакала. У неё на платье была кровь, но не её. Она не толкала его. Я стояла в тени коридора и видела всё от начала до конца. Она прибежала позже всех, когда он уже лежал. Варвара Дмитриевна сказала мне тогда: “Ты ничего не видела, Алёна”. Я согласилась. Я боялась. Я была молодая, у меня была работа, у меня был Яша. Но я видела. И я записываю это здесь, чтобы правда не умерла вместе со мной. Если её кто-нибудь когда-нибудь прочтёт —

пусть знает: Вера Сергеевна не убивала Романа Степановича. Она любила его. Она любила его так, что не могла жить после. И она прибежала позже всех.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.